

ГОНТ

Газета о нашей гимназии

26 мая 2000 года №13(26)

Из ненапечатанного...

Зимние каникулы 7 класса А

Зимние каникулы 7а провёл не вместе, но о зимних приключениях отдельных личностей, я могу рассказать.

Вот, например один гимназист; 12 лет отроду в канун Нового года сбрасывал мощную петарду с балкона. Но случайно попал на балкон ниже этажом. Гимназист недолго стоял на балконе. Он скоро понял, чем может обернуться для него дело, и благополучно удалился с балкона, решив не дожидаться взрыва. Но к счастью петарда не взорвалась, и всё обошлось.

Другой гимназист, также 12 лет от роду не был на каникулах в Москве, но с ним произошло не менее курьёзное происшествие. В один прекрасный день к нему в гостиничный номер постучали. Он посмотрел в глазок и увидел служащего гостиницы. Гимназист, ничего не подозревая, открыл дверь и увидел, как в номер вкатилась тележка с многочисленной разнообразной едой на ней. Посыльный зачем-то поклонился и ушёл. Обалдевший гимназист долго стоял над тележкой и не решался ничего съесть. Потом посыльный приносил ещё много всего. Но гимназист ничего не тронул. Затем пришли его родители, спустились к портю и всё поняли, оказалось, что посыльный посмотрел на бумажку с номером "99" с другой стороны (номер "66" был номером гимназиста), а в номере "99" жил 12-летний сын богатого шейха. Посыльный извинился и принёс тележку с едой, которую уже можно было трогать.

Владимир Михайлович — это человек, потрясающий глубоким аналитическим умом, удивляющий своей проницательностью и оригинальностью мышления, поражающий в наше жестокое время своей добротой и готовностью прийти на помощь в любую минуту, восхищающий своим искрящимся юмором и жизнеутверждающей силой.

Пусть же добро и энергия, которую этот человек так щедро дарит людям, сторицей возвращается к нему, согревает и придает силы долгие годы.

Андалузия

Андалузия — страна трёх столиц: Кордова, Севилья, Гранада — три города лоркианской поэзии. Кордова — наследница Рима, хранительница мудрости, родина Сенеки и Аверроэса, город белых колонн, строгой культуры, чёткой мысли и лаконичной, образной поэзии. Севилья — город мореплавателей, музыкантов и мастеров; город Дон Хуана — здесь родилась легенда о нём; город, открытый всем ветрам и страстям — отсюда уходили на запад каравеллы. Город стремления, решимости, отваги, дела, которое здесь всегда вызов. Если не мятеж; город, знавший крах и славу, но, прежде всего — горечь: ни что не приходило таким, каким мечталось.

Кордова — мысль, Севилья — страсть, Гранада — память. Гранада — ей не дано ни спасти,

ни забыть, Гранада — плакальщица, город вины и памяти. "Гранада — словно сказание о том, что когда-то было в Севилье." Горы, небо, холмы — отсюда не выйти к морю. И как напоминание о недостижимом — повсюду вода: родники, источники, фонтаны. Город потерь — "здесь зияют пустоты, оставленные невозвратным". Город затаённой, одинокой, долгой — длиною в жизнь — мечты; чуждому взгляду непонятен её стойкий зарок: не дать мечте осуществиться, не приближать её ни помыслом, ни словом.

"Только тайной мы живы... Только тайной..." — пишет Лорка под одним из рисунков. От неё, от андалузской замороженности тайной — недосказанность Лорки. Он всегда недоговаривает (как гитара)...

Он был самой жизнью — дарящий радость, открытый, щедрый. Но из мемуаров в мемуары повторяется: "В нём было что-то, что мы не умели разгадать, какая-то тайна", "что-то давнее, древнее, как гряда андалузских гор". Древнее, как те три вечных голоса, которые он слышал: голос смерти, голос любви и голос искусства.

В том, что писал Лорка, было и предчувствие гибели. Он не обманывался в своей судьбе, и в этом знании неизбежности — не покорность воле событий, а выбор. И чем тревожнее становилось вокруг, тем определеннее он говорил о своем выборе. Уже становились обязательными клише об «истинно национальном духе, счастливо нашедшем свое выражение в Фаланге»; уже шла через всю стену гранадского муниципалитета надпись: «Родина превыше всего! Да здравствует Хиль Рооме!», когда Лорка объяснил свою позицию без недомолвок: «Я воспеваю Испанию и чувствую ее до самых глубин, но все-таки прежде всего я — гражданин мира и брат всем людям». И сколько не спрашивали, он повторял свою декларацию независимости. Если бы это была декларация художнического индивидуализма, ее бы простили — таковые позволялись. Но выбора — свободного, естественного человеческого — Лорке простить не могли.

В ночь на 17-ое июля 1936 года Лорка выехал в Гранаду. То была последняя предвоенная ночь. В первые же дни фашистского мятежа он был арестован и 19 августа расстрелян.

В его смерть долго не верили — у Лорки не было врагов, он не принадлежал ни к одной из партий, и всякое политическое обвинение, предъявленное ему, было бы просто абсурдным. В прочем, не более, чем обвинение, предъявленное главному архитектору города — будто бы он заминировал мост через Дарро; редактору вечерней газеты — он «растлевал сознание граждан». Без суда и следствия расстреливали врачей и учителей, ученых-арабистов. Лозунг испанского фашизма «Смерть интеллигенции!» с невиданным размахом претворялся в жизнь. Речи Франко начинались и кончались фразой: «Свобода, Равенство, Братство» — обещания благ перемежались зловещим рефреном: ПОКАРАТЬ, ПОКАРАТЬ, ПОКАРАТЬ...

Отчетливее и раньше других Лорка ощутил надвигающуюся катастрофу. Но, может

быть, поразительнее всего то, что он понимал ее скрытый, тягостный смысл — испанской трагедии суждено было стать началом мировой войны. Она началась с Герники — уничтоженного авиацией мирного испанского городка, и кончилась Хиросимой. А до того никто не мог знать, что самолеты, несущие смерть, станут приметой этой войны, уже не различающей солдат и мирных граждан, фронта и тыла. Но в пьесе Лорки «Публика», написанной за 6 лет до гражданской войны и за 9 — до мировой, пад театром, где идет представление «Ромео и Джульетта», кружат самолеты; гул моторов; гул моторов, взрывы и рев толпы, ворвавшейся в театр, заглушают слова прощания и любви. С погромов в театре, которым кончается «Публика», начинается другая пьеса Лорки. Спектакль, на этот раз «Сон в летнюю ночь», прерван бомбежкой. В партере и на галерке стреляют, горят декорации, вносят раненых. Театр разгромлен, убит Поэт. Сцена второго акта — морг крематория, где плач Актрисы над телом Поэта тонет в общей погребальной песне — плаче матерей над детьми, убитыми бомбой. И это было написано тогда, когда горящие города, дым крематориев над Европой, рвы вместо кладбищ были еще далеким будущим, от которого как могла заслонялась жизнь, куда не осмеливалась заглянуть литература.

Лорка видел будущее без иллюзий — так учила его память города и народа. Исконно испанским было ощущение жизни, как развертывающейся трагедии: судьбу, даже если она — горе и смерть, здесь испокон веков встречали лицом к лицу, не прячась, не жалуясь и не отчаиваясь — с гордой стойкостью. «В других странах смерть — это конец. Она приходит и занавес закрывается. В Испании иначе. В Испании он поднимается».

Власть долго не признавалась в убийстве. Только через год Франко расставил точки над i: «Следует признать, что во время установления власти в Гранаде этот писатель, причисленный к мятежным элементам, умер. Такие случайности естественны во время военных действий».

Запоздалая справедливость не уменьшает вины и не смягчает потери. Но остаются стихи, остаются театр и музыка, остается цыганский город — прекрасный, призрачный, неподвластный разрушению и по-прежнему беззащитный.

Крысанова М. ИГ

Почему гуманитарии проиграли в КВН.

Скажу сразу, эта статья — не размахивание кулаками после драки, а лишь попытка проанализировать сам процесс подготовки КВН'а

таким, каким его видела я. Может быть, она даже послужит уроком или примером для тех, кому предстоит ещё этим заниматься.

Разговор пойдет о математиках и гуманитариях. Так исторически сложилось, что биологи по большей части остаются в стороне, но, может, мне так только кажется.

Подготовка. В первый же день, когда мы запланировали остаться, Е. Д. обдала нас холодным кипятком своих идей и задумок, и это поистине неиссякаемый источник. Холодный он был потому, что мы никак не реагировали на её эмоциональную речь то ли потому, что она нам не нравилась, то ли потому, что отморозенная часть мозгов возобладала над активной. Так или иначе, на следующий день мы собрались уже без вчерашнего идейного лидера. Было решено изменить концепцию, но инициативы ни от кого не исходило. Постепенно гуманитарии поределели, а те, кто остались, «родили» одну дохлую идейку и разбежались. Впоследствии реанимировать её не удалось, хотя отголоски её и прозвучали в КВН^е. Так продолжалось вплоть до четверга. Надо сказать, что всё это время математики бегали и хохотали, заходя каждый раз к нам с радостными криками: «А мы такое придумали!». Мы делали вид, что тоже не просто так здесь сидим, хотя порою брала злость, не перераставшая ни в идею, ни в шутку. С приближением дня X становилось всё более очевидным, что ничего забавного уже выдумать не удастся.

В четверг к нам на помощь пришла Е. Д., окончательно убедив нас, что уже придуманное приветствие не понятно, не смешно и т.д. и т.п. Согласились даже ярые сторонники самостоятельного творчества. Математики продолжали радоваться.

Надо заметить, что наметилась удручающая тенденция: ряды реально заинтересованных

уменьшались, как, впрочем, и само желание что-либо делать. Народ приходил с выражением типа: «Назначьте меня кем-нибудь. И, желательно, роль побольше...». Когда же узнавали, что сценарий ещё нужно придумать, бежали, как крысы с тонущего корабля.

Последний день. Начался учебный день. Опрос некоторых лиц показал отсутствие требуемого, необходимого материала. У нас не писалось ни вместе, ни поодиночке. Пошли упрашивать биологов и математиков отказаться. В шутку, конечно, но всё равно хотелось провалиться сквозь землю, заболеть, уехать, потерять память..., что угодно! К 6-ому уроку пошел слухок, что Е. Д. ни то что-то придумала, ни то написала. Жить стало легче. Как будто пели птицы, в воздухе носилось оживление: то оно там, то оно ещё где-то. Потом я ушла домой.

КВН. Все заметили проблемы с техникой, а именно с микрофоном. Фонтан (а у кого и фонтанчик) детского творчества безжалостно затыкался, в прямом и переносном смысле гулом и криками из зала. Итак, мы ведем. Осталось домашнее задание. Ответственный момент – гуманитарии на сцене. Никто даже и не пытался прислушаться к монологам статичных актеров, но так было задумано, никто этого не понял. Гуманитарии в зале ворочали нос, выпускники скучали, спрашивая друг друга, когда же это закончится. Рядом со мной какой-то ребенок возмущался, что «этот мальчик всё читает и читает по бумажке, ничего не слышно», и «Лучше бы он заканчивал». Было понятно, что это провал. Вот вам и урок, дорогие мои. Конечно, статья сугубо субъективная и может быть оспорена.

День гимназии.

I. В высшей степени мелодичный и приятный звонок будильника мгновенно разбудил где-то в области больших полушарий мысль о том, что сегодня и есть тот самый день торжественный день, т.е. день гимназии. Оно, конечно, здорово, но при всем при этом, это значит, что надобно теперь быстренько собираться в кучку и ковылять в сторону троллейбусной остановки. Потом с трудом досматривать последний сон и опять ковылять, но уже непосредственно от троллейбуса к школе.

Немного опомнившись, уже в здании, я, конечно же, сообразила, что помимо всего прочего (к своему собственному огорчению) имею самую гуманную на всем празднике обязанность, а именно – отстреливать всех входящих в сии

гостеприимные двери. А всё это потому, что это – единственный, к сожалению, способ точно определить количество восьмиклассников, посетивших или собирающихся посетить в эту субботу такое родное здание... Ну да отложим дальнейшее описание этого поистине гуманитарного занятия.

Умыв руки, я отправляюсь в актовый зал, попутно рассматривая различные газеты, преимущественно с фотографиями. Тут же в ужасе останавливаюсь, узрев среди них свою (ну надо же было так изуродовать человека?!). Однако и в зале места я себе не нахожу из-за огромного количества народа и катастрофической их (мест, то бишь) нехватки. Но, может быть, это и к лучшему, потому что, не успев даже порядком поискать себе свободный уголок, я отправляюсь

на сцену произносить речи бессмысленные и беспощадные.

В общем-то. Презентация прошла успешно и особо, вроде, никто не опозорился, кроме уже видавшего виды занавеса, периодически подводившего команду биологов. А дальше всё шло уже своим чередом, то ли актеры немного приустиали, то ли, наоборот, подзарядились

В общем, так держать, гимназисты!

энергией и укротили строптивого участника действия.

Затем были и КВН, и брейн-ринг, и даже вожделенные трапезы, правда, у каждого в своем, облюбованном уголке.

Но ничего непредвиденного, кроме непонятного поражения гуманитариев в брейн-ринге по параллели 8-х классов, не произошло.

II. День гимназии прошел очень успешно. Было много конкурсов и интересных заданий. Например: надо было назвать несколько поэтов 20-ого века. Ещё мы пели песню про Алёшку и пуговку. После праздника ученики ушли весёлые и радостные. Некоторые ушли с призами. Этот день останется надолго во многих сердцах.

Федякина Настя, 5 «В»

Репортаж с ярмарки.

26 февраля у нас во всей школе проходила ярмарка. Ярмарка – это традиционный праздник нашей школы. На этом мероприятии продаются разные поделки, сделанные руками учеников. Это бывают разные фенечки, смешные человечки, вязаные или сшитые вещи для кукол и самые разные интересные вещицы. Также во всех классных кабинетах нашей гимназии проходят разные конкурсы, устраиваются магазины, салоны красоты, комнаты страха и другое...

В этом году комната страха была очень страшна. При входе стояли парты, под которыми надо было подлезть, а потом попасть в комнату, полную мрака, где горели свечи, и страшный голос говорил: «Вставай, ведьма!». Тогда поднималась

ведьма с красными глазами и кричала ужасным голосом. Было очень страшно.

Также было кафе. Оно называлось «Быстро», а устраивали его девочки 5-ых классов. В этом кафе подавали очень вкусные блинчики с сыром, «Василиски» или «Васечки», которые так называются в честь их выдумщицы – Василисы Малинка из 5 «А» класса.

А наш класс устраивал Вернисаж, где были выставлены картины наших учеников: Парсаданян Ноны, Варакиной Саши и Михиной Лизы. Но большее количество посетителей привлекало «Караоке». За довольно низкую цену можно было записать свой альбом с песнями. Эта ярмарка была великолепной.

Проба пера

Мы дети XX века,
Живем на веков рубеже,
И ценим мы честь человека,
И знаем мы много уже.

Мы любим России просторы,

Родные леса и луга,
Но дайте нам лучше компьютер,
Чтоб мы проявили себя:

Залезем мы в файл катастроф,
Исправим ошибки веков,
Спасем Титаник впотьмах,
А сами погибнем во льдах!

* * *

Где раньше пели только птицы,
И где Очаковка журчит,

На юго-западе столицы
Теперь гимназия стоит.

Там рой веселый гимназистов
Уроки напролет жужжит,
И строгий педагог с улыбкой
За мыслью юною следит.

В том светлом здании повсюду
Звучит весёлый смех,
Сияют детские глаза,
Царит любовь и доброта.

В мир радостный и откровенный
Их унесет мечта,
Лишь в знании их цель и красота.

Ваховский Дима

Новогодние веночки,
Колокольчики, цветочки,

Свечи, звёздочки, шары
Ты со вкусом собери.
И скорее к нам на конкурс
Общий школьный приноси.
Композицию создай
И за это приз чудесный получи.
Это знают даже дети:
Лучше дела нет на свете,
Чем себя запечатлеть
В новогодней стенгазете.
И на конкурсе газет
Получить мешок конфет
Или торт, или сюрприз,
Или просто очень нужный
И необходимый приз.
«Как поздравить в новый год?» -
Задаёт вопрос народ.
А кто знает, а кто знает,
Тот открытку посылает.
Новогодние веночки,
Колокольчики, цветочки,
Свечи, звёздочки, шары
Ты со вкусом собери.
И скорее к нам на конкурс

Общий школьный приноси.
Композицию создай
И за это приз чудесный получи.
Это знают даже дети:
Лучше дела нет на свете,
Чем себя запечатлеть
В новогодней стенгазете.
И на конкурсе газет
Получить мешок конфет
Или торт, или сюрприз,
Или просто очень нужный
И необходимый приз.
«Как поздравить в новый год?» -
Задаёт вопрос народ.
А кто знает, а кто знает,
Тот открытку посылает.
В ней он шлёт большой привет,
Пожеланья долгих лет,
Счастья, радости, здоровья.
Здесь окончим предисловье
И объявим конкурс наш,
Приготовьте карандаш.

И начинает устывать вода.
И это означает близость снега.
Вода устала быть ручьями, быть дождем,
По корню подниматься, падать с неба.
Вода устала петь, устала течь,
Сиять, струиться и переливаться,
Ей хочется утратить речь, залечь,
И там, где залегла, там оставаться.

Перед снегом

Под низким небом, тяжелей свинца,
Усталая вода сияет тускло.
Она устала быть самой собой,
Но предстоит ещё утратить чувства,
Но предстоит ещё заledenеть
И уж не петь, а как броня звенеть.

Ну, а покуда в мире тишина,
Торчат кустов безлиственные прутья,
Распутица кончается. Распутья
Подмерзли, но земля ещё черна.
Вот-вот повалит первый снег.

Что такое «хорошо» и что такое «плохо».

Хорошо, когда ты знаешь
Все ответы наперед.
Учителей не перебиваешь,
Пропускаешь их вперед.
За собой с доски стираешь
Свой ответ всегда на пять.
После уроков класс не забываешь,
Как дежурный убирать.

Если ты такой ленивый
Нехороший ученик,
То тогда тебе напишут
Замечание в дневник!
Если ты такой прилежный
И внимателен к всему,

То тогда последуют
Примеру твоему!

Плохо – если ты урок
Никогда не учишь.
Плохо – если двойку вдруг
Ты тогда получишь.
Дома ждать тебе беды,
Могут наказать.
И тогда заучишь ты:
Как слова писать,
Решать примеры,
Переводы делать в мерах,
Мысли умные слагать,
Изложения писать.